

Параметры правовой коммуникации: адресанты правовых актов*

С. А. Белов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Белов, Сергей А. 2023. «Параметры правовой коммуникации: адресанты правовых актов». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 872–887.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.403>

Продолжая начатое ранее описание основных особенностей коммуникации, опосредуемой юридическими документами, автор сосредоточивается на анализе фигуры адресанта таких документов — того лица, от которого документы формально исходят. Обобщая особенности разных типов правовой коммуникации (нормоустановительной и нормореализующей), автор заключает, что адресант, издающий акты власти, остается в большей степени обезличенным, нежели частное лицо, действующее от своего имени непосредственно, поскольку в качестве носителя власти выступает орган или должностное лицо, а не конкретный человек. Высшей степенью обезличенности обладает адресант закона. Абстрактный законодатель в качестве адресанта норм лишь подразумевается, его фигура остается чаще всего скрытой, что порождает ряд существенных практических проблем. Автор также констатирует, что отечественная правовая теория фактически не признает правовую коммуникацию по поводу установления норм, сводя правовую коммуникацию только к реализации правовых предписаний. Поскольку содержанием сообщения в правовой коммуникации выступает трансляция воли адресанта для возникновения правовых последствий этого волеизъявления, акт правовой коммуникации носит перформативный характер (в терминологии теории речевых актов Дж. Остина), т. е. складывается не по поводу передачи информации, а представляет собой совершение действий, речевого поступка. При этом нередко возникают случаи, когда документ, составляемый от имени частных лиц (прежде всего граждан), создается по строгому шаблону. В результате зачастую человек, от чьего имени документ оформлен, не только не участвует в его составлении, но и не способен его понять. В этих случаях документ не отражает его волю, формально зафиксированную в этом документе. «Языковая личность» адресанта правовых актов представляет собой ненадежный предмет изучения, поскольку во многих случаях адресант остается абстрактным субъектом, а речь правовых документов стандартизирована настолько, что проявлению индивидуальных особенностей речи не остается места.

Ключевые слова: правовая коммуникация, адресант коммуникации, понятность правовых актов, теория речевых актов, перформатив, лирический герой, языковая личность, законодатель, акты власти, язык юридических документов.

* Исследование проведено за счет средств государственного задания Санкт-Петербургского университета по проекту «Юрико-лингвистическая неопределенность в текстах правовых актов с учетом их коммуникативных особенностей и юридических функций» (научно-исследовательская работа зарегистрирована в Центре информационных технологий и систем органов исполнительной власти (ЦИТиС), № АААА-А19-119100190156-0).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

1. Введение

Как отмечалось в предыдущей публикации, продолжением которой выступает настоящая статья (Белов 2022), характеристика правовой коммуникации в современной юридической литературе дает неудовлетворительное описание ее основных параметров, прежде всего потому, что такая характеристика требует междисциплинарного подхода, преодолевающего ограничения и стереотипы отдельных наук. Попытка выстроить научное описание правовой коммуникации заставляет обратить внимание не только на адресата правовых актов (о котором шла речь в предыдущей статье), но и на ту сторону коммуникативного взаимодействия, от которой исходят юридические документы — «адресанта» в терминологии теории коммуникации и лингвистики.

Если проблематика адресата юридического документа представлена в научной литературе, хотя и не слишком подробно, то фигура адресанта обычно не затрагивается вовсе. Те характеристики адресанта, которые интересуют лингвистов и специалистов по теории коммуникации, в частности языковая личность, социальные черты и особенности речевого поведения, не только не вызывают интереса в плоскости правовых исследований, но в некоторых случаях вообще не применимы к правовому коммуникатору ввиду обезличенности его фигуры. Стремление выявить реального автора, что также характерно для изучения коммуникации в других ситуациях, в отношении правовых документов имеют мало смысла, если иметь в виду также цели и задачи и юридической науки, требующей прежде всего анализа формальной стороны правового взаимодействия.

Как отмечено в статье, посвященной адресату правовых документов, к юридическому тексту вполне применимы представления современного литературоведения и литературной критики о том, что интерпретация содержания текста не должна диктоваться только вложенным в него автором, и нет больших перспектив искать «ключ» к пониманию произведения через изучение биографии, условий жизни, событий, пережитых автором, его замыслов и намерений. Текст существует сам по себе как предмет интерпретации, а не исключительно как трансляция мыслей его автора. В то же время толкование текста должно в большей или меньшей степени опираться на намерение, вложенное в юридический документ, — волю, составляющую содержание юридического документа. Именно извлекаемая из текста, а не «истинная», «действительная» воля — главный ориентир интерпретации (Васьковский 2002, 83). Закономерные сомнения вызывает стремление прочитать текст через изучение условий его создания, однако внимание к адресанту подразумевает, что необходимо обозначить субъекта, чья воля (намерение) подлежит выявлению в качестве основания интерпретации текста. В противном случае место стороны коммуникации занимает абстрактная норма, что не может считаться удовлетворительным ввиду очевидной несубъектности нормы (Васьковский 2002, 83; Тимошина, Кондуров 2022, 38).

Предмет правового анализа и предмет внимания автора настоящей статьи — кто подразумевается в качестве лица, от имени которого составляются правовые документы, в каких случаях это действительно конкретное лицо, а в каких обобщенная фикция (вроде абстрактной фигуры «законодателя»). Проводя аналогию с литературоведением, можно говорить об изучении фигуры «лирического героя»; такой

анализ фактически представляет собой анализ текста соответствующих правовых актов — с определенной точки зрения, в соответствующей плоскости. Иными словами, предмет настоящего анализа — это изучение «лирического героя» (субъекта высказывания) юридических документов.

Для юридической науки такой анализ необходим, поскольку он создает более полное и обстоятельное представление о содержании правовой коммуникации. Кто именно подразумевается вступающим в коммуникативное взаимодействие в качестве инициатора, правовая наука точно обозначает далеко не всегда, а те описания, которые можно встретить, далеко не всегда удовлетворительны. Даже подразумеваемые субъекты вроде обобщенной фигуры «законодателя» зачастую четко не показаны, а в некоторых случаях их и вовсе не называют.

2. Основное исследование

2.1. Адресант в юридической коммуникации

Выявление фигур адресата и адресанта в структуре коммуникативного акта наиболее актуально для письменной коммуникации. В устной межличностной диалоговой коммуникации участники обмениваются сообщениями, попеременно выступая то адресатами, то адресантами (Кожемякин 2014, 144), ни за кем из них надолго не фиксируется та или иная роль, о ролях можно говорить только применительно к конкретному сообщению в потоке обмена ими. Когда возникает монолог или составляется письменное сообщение, то применительно к нему возникают устойчивые коммуникативные роли: того, кто направляет сообщение (адресант, коммуникатор), и того, кому оно направляется (адресат, коммуникант).

Как отмечает Р.В. Ключев, коммуникативный акт возникает именно благодаря адресанту, именно он принимает решение о необходимости самого коммуникативного взаимодействия; более того, в иницировании коммуникативного акта скрыты решения о том, что адресант посчитал себя «вправе начать», именно от него зависят содержание сообщения, момент его направления; наконец, на нем во многом лежит ответственность за успешность самого акта коммуникации, поскольку он выбирает средства для передачи сообщения. Адресат играет роль пассивной стороны, его участие и готовность к вступлению в коммуникацию очень важны, однако он не несет ответственность за ее неуспешность (Ключев 2002, 21). В праве предотвращения негативных последствий возможного провала коммуникации служат неуклюжие попытки переложения ответственности на адресата через презумпцию всеобщего знания закона и максимуму «незнание закона не освобождает от ответственности». Их толкование имеет тенденцию к еще большему перекладыванию ответственности с адресанта на адресата за счет появления дополнительной презумпции всеобщей понятности закона (Белов, Тарасова 2019). Отчасти эти попытки связаны как раз с тем, о чем пойдет речь ниже: с деперсонификацией, а иногда и с имплицитностью адресанта как такового.

Теория коммуникации в рамках своих целей и задач выявляет условия успешности (и самой возможности) коммуникации; помимо желания адресанта инициировать взаимодействие, к ним относятся также: 1) признание со стороны адресата оснований и мотивов адресанта достаточными для возникновения коммуникации

(в праве — признание действительности и легитимности властных распоряжений и уполномоченности частных лиц); 2) наличие общего кода, позволяющего кодировать и успешно декодировать сообщение, причем этот код предполагает предшествующее наличие знаний о предмете коммуникации, общих для обеих сторон коммуникации (Логоинов 2009, 49–51). Следовательно, адресант до определенной степени ограничен в своем выборе оснований и содержания коммуникативного сообщения, поскольку должен ориентироваться на готовность и способность адресата воспринимать передаваемое сообщение.

В юридической литературе упоминания адресанта правовой коммуникации оказываются довольно странными: например, обобщающим адресантом любого нормативного правового акта А. В. Скоробогатов обозначает государство (Скоробогатов 2022, 67). В других работах этого же автора можно обнаружить разделение правовой коммуникации на «вертикальную», предполагающую издание властных предписаний адресантом и их выполнение адресатом, и «горизонтальную», при которой гражданин может оказаться причастным к созданию правовых норм, занимая одновременно позицию и адресата, и адресанта правовых предписаний (Скоробогатов 2023). Подобный подход не выдерживает критики, поскольку при вовлеченности гражданина в создание правовых норм возникает «групповая коммуникация», в которой «адресант неявно выражен». Иными словами, А. В. Скоробогатов не выявляет действительного адресанта, либо не считая это необходимым, либо не будучи в силах справиться с этой задачей.

Правовая коммуникация, по представлениям одного из главных теоретиков коммуникативного подхода к праву — Марка ван Хука, возникает главным образом по поводу установления правовых норм (Хук 2012, 115 и далее). В его коммуникативной правовой теории «нормоотправитель» транслирует правовое сообщение (правовую норму) в рамках «односторонней» коммуникации (Хук 2012, 176), которая может быть «статутной» (адресантом в этом случае выступает законодатель) и «нестатутной» (в качестве адресанта выступает суд или другой правоприменитель) (Хук 2012, 120). Последующее «строительство и развитие правовой системы», по мнению ван Хука, происходит путем многостороннего коммуникативного взаимодействия государственных органов, «обладающих властью создавать и применять право», друг с другом, с обществом в целом и с гражданами (Хук 2012, 155). Правовая система оказывается не иерархической, а сетевой, построенной на постоянном интерактивном взаимодействии участников правовой системы (Хук 2012, 157).

Представляется, что подобное описание правовой коммуникации чересчур абстрактно и пригодно для общего философского осмысления интерактивных начал в праве, однако с практической точки зрения правовая коммуникация требует иного, более конкретного структурирования. Исходя из постулатов отечественного правоведения, можно констатировать существование двух типов правовой коммуникации: нормоустановительной и нормореализующей.

Нормоустановительная коммуникация возникает по поводу создания правовой нормы. Коммуникативное сообщение, содержащее властное предписание, в этом случае исходит от лица (органа), уполномоченного устанавливать правовые нормы, и адресовано всем и каждому, от кого может потребоваться соблюдение или исполнение этих норм. Круг лиц, выступающих адресантами в такой коммуникации, на первый взгляд, легко описывается, ограничиваясь теми, кто в силу норм

конституции или действующего законодательства может издавать нормативные правовые акты. Однако в результате анализа реального функционирования права возникают и некоторые неочевидные случаи.

В частности, иногда сложно отделить властную интерпретацию уже существующей нормы от установления новой, что вызывает затруднения в позиционировании судов и иных официальных правоприменителей среди адресантов либо адресатов правовых норм. В зависимости от того, признается ли за судами задача «открывать», интерпретировать или создавать правовые нормы, появляются основания включать в число адресантов-нормоустановителей суды.

Особо выделим ситуацию заключения нормативных договоров, в которых установление нормы становится результатом совокупного волеизъявления нескольких лиц или органов.

Кроме того, есть и совершенно особенные случаи формулирования норм поведения, которые признаются и санкционируются государством в качестве правовых, — например, обычаи, в том числе обычаи делового оборота. У таких норм нет очевидного создателя, который своей волей определял бы их содержание, однако есть лицо, которое своим волеизъявлением «кодифицирует», фиксирует возникновение нормы, хотя и не создает ее.

Нормореализующая коммуникация возникает в двух видах актов: актах правоприменения (уполномоченные органы на основании общих правовых норм принимают решения в конкретных ситуациях); актах вступления частных лиц в отношения на основании норм права, когда они транслируют свою волю другим участникам, в результате чего формируется состав взаимных прав и обязанностей в правоотношении. Некоторые ситуации нормореализующей коммуникации как первого, так и второго вида, имеют только одного адресанта, что непосредственно отражается на юридических документах, оформляющих эту коммуникацию (односторонние властные решения и предписания, обращения частных лиц в государственные органы либо односторонние сделки); другие предполагают, что адресантами выступают несколько лиц (участвующих в заключении договоров, которые оформляют совместное, «встречное» волеизъявление, о чем пойдет речь ниже).

2.2. Адресант и содержание коммуникативного сообщения

Общей чертой и для нормоустановительной, и для нормореализующей правовой коммуникации выступает волевое содержание юридического документа, с которым связываются его правовое содержание, правовой характер и правовые последствия. Юридические документы практически никогда не имеют исключительно информационного характера, т. е. не преследуют цели передачи информации, их содержание практически всегда имеет волевой характер, следовательно, практически любой юридический документ, если использовать терминологию теории речевых актов, можно рассматривать как перформативное высказывание: самим фактом его создания (оформления) и направления другой стороне правовой коммуникации совершается определенный поступок, создаются основания для возникновения определенных последствий в юридической действительности. Именно форма юридического документа, его реквизиты, условия издания, наделение полномочиями его адресанта и другие обстоятельства, которые определяют дей-

ствительность юридического документа, выполняют условие тех внешних обстоятельств, с которыми Дж. Остин, основоположник теории речевых актов, связывал контекст, делающий высказывание перформативным (Остин 1999, 21).

Теория речевых актов Дж. Остина применима к конструированию и анализу юридических документов еще и в том отношении, что она обращает внимание на различие между: 1) самим высказыванием (локутивный акт); 2) намерением адресанта, вложенным в сообщение, описываемое как цель, которой он хочет добиться (иллокутивный акт); 3) тем реальным результатом, который наступает в результате его высказывания (перлокутивный акт) (Остин 1999, 84–93). Подробный анализ приложения теории речевых актов к правовой коммуникации выходит за рамки предмета настоящей статьи, однако отметим, что теория речевых актов дает четкое представление о роли адресанта в высказываниях перформативного типа. Адресант выступает не передающим информацию участником коммуникации, а источником содержания высказывания, поскольку это содержание замыкается на его волю.

Определенную оговорку сделаем в отношении того, что в таких юридических документах, как протоколы, свидетельства, акты, описи и пр., волевое содержание минимально, поскольку целью составления этих документов выступает фиксация фактических обстоятельств, которые наблюдают их составители. В то же время сложно считать эти документы исключительно информационными. Описанные в них события или действия совершены независимо от воли их адресанта, они их только фиксируют. Однако целью составления такого документа выступает не просто сообщение информации о произошедшем событии или совершенном действии, а то, что адресант подтверждает наступление этого события или совершение действия: непосредственно наблюдал, по явным и наличным доказательствам может подтвердить, что это действительно случилось, и т. д. Следовательно, через такое сообщение факт реальности становится юридическим фактом, что в отсутствие документа не произошло бы (или потребовало бы других доказательств его наступления).

Во всех остальных случаях содержанием сообщения в юридическом документе выступает волеизъявление его адресанта. Следовательно, именно за адресантом (юридически уполномоченным на соответствующее волеизъявление) предполагается наличие той воли, которая в этом документе реализована.

Издавая нормативный акт в рамках реализации своей власти, уполномоченное лицо (лица) устанавливает (устанавливают) правила, которые становятся таким образом частью правового регулирования, обязательного для исполнения. Вынося решение по конкретному спору, привлекая к ответственности, адресуя частному лицу какое-то предписание, должностное лицо уполномоченного органа власти обязывает частных лиц или другие государственные органы совершить определенные действия или воздержаться от их совершения. Властное предписание в этом случае становится коммуникативным содержанием сообщения юридического документа. Следовательно, адресантом выступает лицо, наделенное соответствующими властными полномочиями, независимо от того, кто создает (формулирует) текст юридического документа.

Волевой элемент прямо указан как содержание гражданско-правовых сделок в ст. 154 (договоры и односторонние сделки) и 158 (форма сделок) Гражданского

кодекса РФ¹ (ГК РФ), на выявление действительной общей воли сторон договора должно быть направлено толкование договора (ст. 431 ГК РФ). Интересно, что ГК РФ различает ситуации, когда представитель от чужого имени, но своими действиями и по своей воле совершает сделку и когда передает доказательство выраженной в надлежащей форме воли другого лица (ст. 182).

Следовательно, адресантом любого юридического документа должно рассматриваться исключительно то лицо, чью волю этот документ фиксирует и выражает. В случае если документ оформляет волеизъявление нескольких лиц, они вместе выступают адресантами.

2.3. Экспликация неочевидного адресанта²

Стилистика многих юридических документов часто не выражает явно наличие сообщения, высказанного одной стороной коммуникации и адресованного другой стороне, даже несмотря на то, что под некоторым документами стоит подпись должностного лица. Открыв любой юридический документ, можно найти в нем не так уж много ситуаций, которые сходны с сообщением, явно высказанным (написанным) одним лицом и адресованным другому лицу, и только в результате анализа самих документов мы можем предположить, кто в этих документах подразумевается в ролях и адресата, и адресанта.

Тексты нормативных актов, особенно законов, чаще всего носят безличный характер, описывая определенные действия и события и/или последствия совершения этих действий либо наступления событий в повествовательном, констатирующем стиле. Например: «течение срока начинается на следующий день после календарной даты или наступления события (совершения действия), которым определено его начало» (п. 2 ст. 6¹ Налогового кодекса РФ), «граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе» (п. 2 ст. 1 ГК РФ) и пр. Субъект, от чьего имени издаются такие документы, не обозначается, а только подразумевается.

Очевидной причиной можно считать такие особенности закона, как его создание некоторой группой государственных органов (инициировавших, принявших, одобривших и подписавших закон), ни один из которых не может считать себя единственным создателем закона, от чьего имени он издан. В правовой теории именно это отличает закон от тех правовых актов, которые выступают формой реализации полномочий конкретных органов (Авакьян 2015, 295). Даже принятие текста представительным органом — парламентом, который определяет содержание законодательного регулирования, не дает оснований считать, что закон издается от имени парламента как форма реализации полномочий его палат, а следовательно, даже коллегиальный парламент и отдельные его палаты не рассматриваются в праве как адресанты закона.

¹ Здесь и далее (если не указано иное) все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 25 ноября, 2023. <http://www.consultant.ru>.

² Исследование, результаты которого положены в основу материала данного раздела, выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

Совокупность органов, издающих закон, принято называть *законодателем* — обобщенным абстрактным понятием, которое охватывает все органы, издающие закон в совокупности, и создает некоторую субъектность подразумеваемого адресанта закона.

Наделение законодателя как имплицитного адресанта некой волей на установление правовых норм наилучшим образом демонстрирует условность и отсутствие в этой воле психологического содержания, которое может подразумеваться при характеристике волевого содержания в документах, исходящих от граждан и даже юридических лиц (от лица которых действуют физические лица). Воля законодателя представляет собой своего рода метафору, способ описать намерение, которое предполагается в качестве цели издания нормы закона (иллокутивный акт в терминологии Дж. Остина). Вместе с тем эта воля в случае с законами совершенно бес-субъектна, в качестве адресанта-законодателя не выступают никакие конкретные лица и организации, она олицетворяет деперсонифицированное абстрактное государство, устанавливающее правовые предписания правовых норм.

Своего рода исключением может быть Конституция, где субъект обозначен в преамбуле: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации... принимаем Конституцию Российской Федерации». Однако и в этом случае весь основной текст сформулирован не как сообщение от одной стороны коммуникации другой стороне, а как некое установление: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2 Конституции). По форме (как локутивный акт) это высказывание выглядит исключительно информационным, *констативом* в терминологии теории речевых актов Дж. Остина, тогда как с точки зрения намерения его адресанта оно очевидно имеет своей целью ввести (установить, предписать) общий принцип, соблюдение которого потребует от всех действовать таким образом, чтобы никакие ценности не имели большего веса или значения, чем ценность человека, его прав и свобод. Эту норму-принцип в качестве высказывания следует трактовать как перформатив — экзерситив по иллокутивной силе (Остин 1999, 125).

В результате использования безличных, констативных формулировок у наивного читателя (а иногда и составителя) правовых текстов возникает впечатление, что правовой документ далеко не всегда оформляет правовую коммуникацию. Отчасти этому способствует отечественная правовая теория, которая разделяет нормы и возникающие *на основе* этих норм правоотношения, т. е. сами по себе нормы не рассматриваются как предмет каких-то *отношений* и, следовательно, как акт коммуникации (в отличие от теории Марка ван Хука, о которой шла речь выше). Отечественная теория права четко разделяет право- или нормотворчество и правоприменение, правореализацию (Решетов 2015), предполагая, что есть *нормы* и есть *отношения, урегулированные нормами* (и возникающие на основе норм), и одно четко отделяется от другого. Само нормативное воздействие на поведение людей не является отношением (и даже едва ли может считаться коммуникацией), поскольку на поведение людей воздействуют не другие люди и не органы, облеченные властью, а лишь абстрактные нормы — общеобязательные правила поведения. Подобный подход характерен и для основного теоретика коммуникативной теории права в России — профессора А. В. Полякова (Поляков 2016, 588–622, 667–770). Под *регулятивными* правоотношениями понимаются либо отношения, возникающие на основании регулятивных (а не охранительных) норм, либо отношения (в боль-

шей степени процедурного характера) по поводу создания, установления правовых норм, а не по поводу регулирования как такового.

Предписания нормативных актов декларируют правовые нормы подобно тому, как священные тексты выражают религиозные истины: законодатель служит проводником идей права в социальной реальности, но сами нормы не рассматриваются как коммуникативное сообщение. «Субъективной» коммуникации (с привязкой, в частности, к конкретному адресанту) противопоставляется «объективизация» правовых предписаний в тексте нормативного акта. Этому отчасти способствует признание за адресатом возможности интерпретации нормативного предписания, о чем говорилось в предыдущей статье (Белов 2022), однако текст отрывается не только от своего автора, воля которого не детерминирует его содержание, но даже и от адресанта, существование которого нивелируется, а текст становится бессубъектным с точки зрения источника своего появления. Текст существует как будто сам по себе, как явление «объективной» действительности, черпая силу своего действия и основания своей действительности внутри общей системы нормативных предписаний, но не в результате какого-либо акта коммуникации, на что справедливо обращают внимание Е. В. Тимошина и В. Е. Кондуров (Тимошина, Кондуров 2022).

Подобная ситуация, исключая коммуникативный характер текстов нормативных актов вовсе или как минимум требующая определенных усилий по его выявлению, имеет ряд негативных последствий.

Восприятие текстов нормативных актов как явлений объективной действительности формирует у составителей этих текстов такое отношение к ним, которое не ориентирует на эффективное выстраивание коммуникации с адресатами. Если адресант обезличен, то сам закон приобретает черты субъектности: «закон устанавливает», «закон запрещает», «закон требует», следовательно, предъявить претензии к неудачному составлению, неопределенным или непонятым формулировкам некому. С исчезновением адресанта пропадает субъект ответственности за составление текста.

Отсутствие адресанта создает сложности с выявлением воли, вложенной в нормативный акт: норма появляется как некое социальное установление, в котором отсутствует целевая интенция. Правовые нормы выглядят не как способ социального управления, а как продиктованное социальным порядком оптимальное требование к социально значимому поведению, тогда как любые нормативные акты издаются в конкретном социальном контексте, имея определенную цель и ориентируясь на решение социальных задач (правоведение называет это правовой политикой, подразумевая под ней осознанное стремление к решению социальных проблем правовыми средствами). Коммуникативный подход позволяет в этом случае объяснить политику законодателя хотя бы и как абстрактного, но все же подразумеваемого в нормативных актах адресанта.

2.4. Очевидный адресант: разные степени персонификации

В случаях издания нормативных актов конкретным органом государственной власти степень определенности фигуры адресанта несомненно выше. В начале текста документа может быть обозначено (в случае с коллегиальным органом — в тре-

тьем лице): «Правительство РФ постановляет: <...>»³. В ряде указов Президента (примерно в каждом пятом) используется тот же глагол, только без указания на субъект, в первом лице: «В целях... постановляю»⁴, в остальных указах — безличная форма, когда каждый пункт начинается словами «утвердить», «установить», «назначить» и пр.

В текстах нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, чаще всего издаваемых в форме приказов, используется формулировка «приказываю», что предполагает издание от имени единоначального руководителя органа исполнительной власти.

Во всех этих случаях правовой акт выступает формой реализации власти, а его адресантом — орган, наделенный властью. Тот факт, что от имени государственного органа решения принимает конкретное должностное лицо, ситуацию радикально не изменяет: конкретное должностное лицо остается обезличенной институциональной функцией. Указание конкретной фамилии лица, выступающего в роли должностного лица, практически бессмысленно, поскольку взаимодействие с частным лицом не конкретный человек, имеющий фамилию и имя, а лицо, замещающее должность. Конечно, в случае ненадлежащего осуществления должностных полномочий это лицо будет нести персональную ответственность, к нему можно предъявить какие-то претензии, но в целом существующее в обыденном сознании стремление к «очеловечиванию» официальной коммуникации принципиально расходится с конструированием такой коммуникации в правовой доктрине.

Обезличенный адресант характерен и для других юридических документов, оформляющих любые «акты власти» — решения, исходящие от уполномоченных государственных органов. Даже если решение выносит конкретный судья, указанный в решении, оно остается не решением судьи, а решением суда («в составе судьи...» или «судей»). Более того, решения судов вообще выносятся «именем Российской Федерации», т. е. в конкретном документе транслируется сообщение, исходящее от государства и сформулированное судом.

Подчеркнем, что коммуникация по поводу реализации полномочий органов публичной власти, в отличие от частноправовой коммуникации, носит ассиметричный характер: четко определенной персонализированной фигуре частного адресата противопоставляется иногда вообще подразумеваемый (в случае с законами), иногда формализованный, обезличенный своей институциональной деперсонализацией орган государственной власти, выступающий в качестве адресанта.

В юридических документах, исходящих от частных лиц, адресант не представляет собой столь деперсонализированную фигуру, как должностное лицо государственных органов, поскольку он реализует свои права и выполняет обязанности как гражданин, имеющий фамилию и имя. Даже если гражданин действует в какой-то определенной правовой роли (индивидуального предпринимателя, налогоплательщика, получателя социальной помощи), он неотделим от этой правовой роли. Частное лицо не рассматривается как юридическая фикция, несмотря на то что некоторые документы и в частном обороте могут исходить от юридически

³ См., напр.: Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 708 «Об упразднении Государственной хлебной инспекции при Правительстве РФ».

⁴ Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования».

фиктивных субъектов, например юридических лиц. Однако от их имени действуют физические лица — их органы, и это обозначается в любом документе. В этом отношении адресант документов частнопровового характера — конкретное лицо.

В то же время наличие конкретной фигуры адресанта не означает, что именно это лицо выступает непосредственным автором (составителем) документа. Когда такое несовпадение связано с тем, что какие-то лица оказывают помощь в подготовке текста, можно предполагать, что его содержание согласовывается с тем лицом, от чьего имени документ будет направлен (Васьковский 2002, 84). Однако могут быть случаи (и чаще всего такое происходит при взаимодействии граждан с официальными лицами и государственными органами), когда документ составляется по шаблону, содержание которого гражданину, от чьего имени направляется этот документ, менять не позволено. В таком случае формальным адресантом документа может выступать человек, который не только не составлял этот документ, но и не в состоянии понять его содержание и впоследствии может сослаться на то, что этот документ не отражает его истинные намерения и действительную волю, он не понимал ни содержания документа, ни последствий его направления.

С коммуникативной точки зрения интересны ситуации, когда установление правовой нормы становится результатом последовательных решений нескольких органов государственной власти. Например, закон, как уже упоминалось выше, рассматривается в правовой теории как результат совокупного волеизъявления нескольких государственных органов, в совокупности именуемых «законодателем». Содержание сообщения формируют лица или органы, выступающие с законодательной инициативой, в том числе предлагающие поправки при рассмотрении законопроекта во втором чтении, а также нижняя палата парламента (Государственная Дума), принимающая закон. Другие участники законодательного процесса, одобряющие принятый закон (верхняя палата парламента и глава государства), участвуют в формировании совокупного волеизъявления законодателя и, не участвуя в формулировании текста, играют роль адресантов закона. Властные полномочия каждого из участников такой сложной процедуры не охватывают полномочия по установлению правовой нормы, но подразумевают полномочие по *участию* в принятии решения.

Сходным образом можно выявить сложный многосторонний состав адресанта юридического документа в некоторых частных правоотношениях, например при принятии коллективных решений. Наиболее очевидный и во многом бесспорный пример — принятие корпоративных решений в частных организациях. Более сложен для описания и анализа пример с договорами.

Договор как акт коммуникации несложно охарактеризовать, если его заключение осуществляется предусмотренным гражданским законодательством способом — обменом сообщениями с офертой и акцептом. В этом случае каждая сторона выражает свою волю на заключение договора на описанных условиях, у каждого из сообщений есть свой адресант и адресат. Сложнее охарактеризовать договор, составленный в виде единого документа, который фиксирует договоренности сторон о его содержании и условиях: его стороны выступают одновременно и адресатами, и адресантами этого документа (что уже отмечалось в предыдущей статье).

2.5. Языковая личность адресанта

Анализировать «языковую личность» адресанта многих правовых документов, издаваемых от имени государственных органов, практически невозможно, поскольку в любом подобном случае мы имеем дело с абстрактным субъектом, юридической фикцией — органом государственной власти, от имени которого действуют конкретные люди; они могут быть авторами текста, но не могут рассматриваться как адресанты, поскольку юридический документ исходит не от них, а от государственного органа.

По тем же причинам содержание документов с точки зрения языковых средств и речевых особенностей остается столь же шаблонным, как и содержание документов, оформляющих акты власти.

Едиственный вид правового документа, в котором потенциально может проявиться речевая специфика их адресантов, — заявления, с помощью которых гражданин обращается по официальному поводу, но может при этом излагать обстоятельства, служащие основанием для его обращения, не исключительно в официальном стиле. От заявления гражданина не требуется то, что подразумевается необходимым в актах, исходящих от профессиональных участников официальных взаимоотношений (от должностных лиц и служащих государственных органов до предпринимателей или органов юридических лиц), т. е. обоснование изложенного в обращении требования со ссылками на положения нормативных актов, терминологическое соответствие действующим нормативным правовым актам и пр.

Стремясь уменьшить влияние индивидуальных особенностей речи на документы, направляемые от имени граждан, органы и организации, принимающие такие документы, стандартизируют их и придают им официальность за счет создания образцов и шаблонов заявлений, согласий и других обращений, в результате чего гражданину остается заполнить только сведения о себе и внести некоторые индивидуальные данные (часто — только реквизиты документов, например паспорта), тогда как все остальное содержание остается шаблонным. В этом случае сложно выявить истинные намерения (в том числе прагматические коммуникативные намерения) адресантов этих документов — им некоторым образом вменяется шаблонная интенция.

Требования стиля юридических документов (как разновидности официально-делового стиля языка) предполагают максимальное избавление от индивидуальных особенностей речи. Никакие отражения эмоций автора, его стилистические особенности речи, образность и метафоричность, индивидуализирующие речь, в юридических документах оказываются неуместными, речь в таких документах становится максимально безличной, «роботизированной». В отличие от языка художественных произведений, язык юридических документов оценивается лишь в категориях четкости, ясности и логичности изложения, структурированности, понятности и доступности (как лексики, так и синтаксических конструкций, влияющих на легкость восприятия).

Особенностью юридического документа можно считать то, что адресант вкладывает в документ содержание, но мало может повлиять на форму — выбор языковых инструментов у него очень ограничен. Даже когда формулируются новые положения законодательства, чаще всего используются речевые шаблоны и формулы,

которые уже выработаны ранее, известны для юридического дискурса и имеют типовой характер. Попытки описать «языковую личность» законодателя, даже если задача сформулирована достаточно конкретно (выявить особенности языковой личности законодателя конкретного российского региона (Маланина 2006)), результат сводится к описанию особенностей юридического языка (и юридической техники) вообще.

Пользуясь ранее сформулированной метафорой, можно сказать, что внутренний мир лирического героя юридических текстов небогат (как личными чувствами, так и собственными размышлениями), но сам лирический герой деятелен в совершении речевых действий, влекущих правовые последствия.

3. Выводы

Письменная правовая коммуникация с помощью юридических документов довольно разнообразна и в первую очередь может быть разделена на два типа: нормоустановительную и нормореализующую. *Нормоустановительную* коммуникацию отечественная теория права предпочитает не признавать в качестве коммуникации, тогда как зарубежные авторы (М. ван Хук) дают неудовлетворительное описание этой коммуникации и совершенно игнорируют коммуникацию второго типа, нормореализующую. Нормоустановительная (и частично нормореализующая) коммуникация возникает по поводу властного предписания, которое исходит от органа публичной власти, транслирующего в коммуникативном сообщении правовые нормы или индивидуальные решения по конкретным делам. *Нормореализующая* коммуникация может также возникать при вступлении частных лиц в публичные или частные отношения на основании норм права, в результате чего формируется состав взаимных прав и обязанностей в правоотношении.

Общей чертой для обоих видов правовой коммуникации выступает волевое содержание юридического документа, которое он выражает в качестве средства коммуникации. Волевое содержание предполагает, что коммуникативный акт возникает не в целях передачи информации, а как форма совершения определенных действий с помощью высказывания; в теории речевых актов Дж. Остина такие коммуникативные акты обозначены как перформативные высказывания.

В то же время языковая организация многих юридических документов не указывает явно на то, что такие документы представляют собой акты коммуникации. В особенности это справедливо по отношению к законам, чаще всего содержащим безличные формулировки, описывающие нормы (правила) поведения и не формулируемым как сообщения, имеющие определенных адресанта и адресата, которые лишь подразумеваются и могут быть выявлены только в результате определенного анализа этих документов.

Неопределенная, подразумеваемая фигура адресанта характерна главным образом для тех документов, которые исходят от государственных органов. Институциональная деперсонификация в данном случае отчасти связана с тем, что формальной стороной коммуникации выступает не конкретный человек, а лицо, замещающее определенную должность. Частные лица при этом участвуют в правовой коммуникации, напротив, с условием четкого обозначения их личностей.

В отношении частных лиц нередко возникают случаи, когда документ, составляемый от их имени, носит шаблонный характер. Содержание этого шаблона ме-

нять не допускается, в результате нередко возникает ситуация, при которой человек, от чьего имени документ оформлен, не только не участвовал в его составлении, но и не способен его понять, а следовательно, документ не отражает его волю, формально зафиксированную в этом документе.

«Языковая личность» адресанта правовых документов представляет собой ускользающий предмет для анализа, поскольку во многих случаях адресант остается абстрактным субъектом, юридической фикцией, а речь в таких документах стандартизирована настолько, что проявлению индивидуальных особенностей речи просто не остается место.

Библиография

- Авакьян, Сурен А. 2015. *Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь*. М.: Юстицинформ.
- Белов, Сергей А. 2022. «Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 841–859. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.401>
- Белов, Сергей А., Кристина В. Тарасова. 2019. «Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция?» *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 610–625. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401>
- Васьковский, Евгений В. 2002. *Гражданско-правовая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов*. М.: Центр ЮрИнфоР.
- Клюев, Евгений В. 2002. *Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия*. М.: РИПОЛ Классик.
- Кожемякин, Евгений А. 2014. *Основы теории коммуникации*. М.: Инфра-М.
- Логинов, Александр В. 2009. «Адресант и адресат в диалогическом пространстве». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия. Русская филология* 2: 49–54.
- Маланина, Наталья В. 2006. *Тексты нормативно-правовых документов в аспекте языковой личности законодателя (на материале нормативно-правовых актов Алтайского края)*. Дис. ... канд. филол. наук, Алтайский государственный университет.
- Остин, Джон. 1999. *Избранное*. Пер. с англ. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги.
- Поляков, Андрей В. 2016. *Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект.
- Решетов, Юрий С. 2015. «Правовое регулирование и реализация права». *Вестник Пермского университета. Юридические науки* 3 (29): 24–29.
- Скоробогатов, Андрей В. 2022. «Нормативный правовой акт как средство конструирования правовой реальности». *Российское право онлайн* 2: 67–73. <https://doi.org/10.17803/2542-2472.2022.22.2.067-073>
- Скоробогатов, Андрей В. 2023. «Субъективные аспекты реализации права». *Правотворчество и применение права: тенденции развития правовых концепций и отраслевых правовых институтов: сб. ст. X Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации*, 160–170. Казань: Отечество.
- Тимошина, Елена В., Вячеслав Е. Кондуров. 2022. «В поисках утраченного смысла: толкование права в ситуации “смерти Законодателя”». *Вопросы философии* 10: 29–43.
- Хук, Марк ван. 2012. *Право как коммуникация*. Пер. с англ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Университетский издательский консорциум.

Статья поступила в редакцию 9 июня 2023 г.;
рекомендована к печати 31 июля 2023 г.

Контактная информация:

Белов Сергей Александрович — канд. юрид. наук, проф.; s.a.belov@spbu.ru

Characteristic of legal communication: Addressers of legal acts*

S. A. Belov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Belov, Sergei A. 2023. “Characteristic of legal communication: Addressers of legal acts”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 872–887. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.403> (In Russian)

The author started description of parties to legal communication in a previous article, on addressee of legal documents. In this item author focuses on the addressers of legal documents — those, who formally issue these documents. Summarizing specifics of addressers in different types of communication (norm-establishing and norm-realization) leads to the conclusion that addresser, issuing power acts, remains to be depersonalized comparing to private persons, acting on their own behalf. This could be explained by the legal principle that power belongs to an authority or to an official, but not to a certain person. Depersonalizing reaches maximum in the case of a statute. Abstract legislator being implied as an addresser of norm, stays in shadow, and this entails a number of practical problems. Author also concludes that Russian legal theory in fact does not recognize establishing legal norms as communication, finding communicative interaction only in realization of norms. While the will of the addresser (initiating legal consequences) is the content of a message in the legal communication, they are performative utterances (in the terminology of the speech acts theory of J. Austin). These acts do not transmit information, but form speech action. At the same time documents, issuing on behalf of private persons (mostly individuals), are often base on strict templates. Sometimes a person, who is formally the addresser of the document, does not take part in its preparation and even is unable to understand it, therefore the document does not really reflect her or his will, which it formally represents. “Legal personality” of addresser of legal acts could not be a real object for analysis, because in many cases the addresser remains to be an abstract person while the speech of legal documents are so standardized that a few space for individual speech is left.

Keywords: legal communication, addresser of communication, theory of speech acts, performative utterance, lyrical subject, language personality, legislator, acts of power, language of legal documents, intelligibility of legal acts.

References

- Austin, John L. 1986. *Selected works*. Moscow, Idea-Press; Dom intellektual'noi knigi Publ. (In Russian)
- Avak'ian, Suren A. 2015. *Constitutional lexicon: State-law terminological dictionary*. Moscow, Iustitsinform Publ. (In Russian)
- Belov, Sergei A. 2022. “Characteristic of legal communication: Addressees of legal acts”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 841–859. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.401> (In Russian)
- Belov, Sergei A., Kristina V. Tarasova. 2019. “Intelligibility of legal document: Legal fiction or presumption?”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 610–625. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401> (In Russian)
- Hoecke, Mark van. 2012. *Law as communication*. Rus. ed. St. Petersburg, St. Petersburg University Press; Universitetskii izdatel'skii konsortium Publ. (In Russian)

* The reported study was funded by state assignment of St. Petersburg State University for the project “Legal-linguistic indefiniteness in texts of legal acts according with their communicative specificities and legal functions” (the research is registered in the Center of information technologies and systems of organs of executive power, no. AAAA-A19-119100190156-0).

- Kliuev, Evgenii R. 2002. *Speech communication. Successfulness of speech interaction*. Moscow, RIPOL Klassik Publ. (In Russian)
- Kozhemiakin, Evgenii A. 2014. *Foundations of the theory of communication*. Moscow, Infra-M Publ. (In Russian)
- Loginov, Aleksandr V. 2009. “Addressee and addressee in dialogic space”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Russkaia filologiia* 2: 49–54. (In Russian)
- Malanina Natalia V. 2006. “Texts of normative legal acts in the aspect of language personality of legislator (on the material of normative legal acts of Altai krai)”. PhD Thesis in Philology, Altaiskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V. 2016. *General theory of law problems of interpretation in context of communicative approach*. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Reshetov, Iurii S. 2015. “Legal regulation and realization of law”. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki* 3 (29): 24–29. (In Russian)
- Skorobogatov, Andrei V. 2022. “Normative legal act as an instrument of constructing of legal reality”. *Rossiiskoe parvo online* 2: 67–73. <https://doi.org/10.17803/2542-2472.2022.22.2.067-073> (In Russian)
- Skorobogatov, Andrei V. 2023. “Subjective aspects of realization of law”. *Pravotvorchestvo i primeneniye prava: tendentsii razvitiia pravovykh kontseptsii i otraslevykh pravovykh institutov: sbornik statei X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii*, 160–170. Kazan, Otechestvo Publ. (In Russian)
- Timoshina, Elena V., Viacheslav E. Kondurov. 2022. “In search of lost sense interpretation of law in the situation of the “Death of legislator”. *Voprosy filosofii* 10: 29–43. (In Russian)
- Vas'kovskiy, Evgeniy V. 2002. *Civilistic methodology. The doctrine of interpretation and application of civil laws*. Moscow, Tsentr IurInfoR Publ. (In Russian)

Received: June 9, 2023

Accepted: July 31, 2023

Author's information:

Sergei A. Belov — PhD in Law, Professor; s.a.belov@spbu.ru